

Сборник открывается большой статьей Г. П. Гроздилова «Раскопки древнего Пскова» (стр. 7—76, рис. 1—60), подводящей итоги трехлетним работам автора по археологическому исследованию города (1954—1956 гг.). Древний Псков, один из крупнейших древнерусских городов, хорошо изучен по обильным письменным источникам — летописям, писцовым книгам, актовым материалам. Он всегда привлекал к себе внимание своими архитектурными памятниками — крепостными стенами, церковными и гражданскими зданиями. Но до недавнего времени он оставался почти совершенно нетронутым лопатой археолога. Отдельные находки, попадавшие при случайных земляных работах, не помогали раскрытию всех тех вопросов в истории Пскова, в особенности его древнейшего периода, которые волновали ученых. Поэтому первые археологи, — Н. Н. Чернягин, С. А. Тараканова и др., приступая к исследованию Пскова, ставили себе основной целью выяснение сохранности и характера культурного слоя и времени появления древнейшего поселения на месте будущего Пскова. Однако размеры изученных ими площадей были незначительными и выявили только самые предварительные данные по интересовавшим их вопросам. Тем не менее они показали, что на территории Кремля и частично Довмонтова города древнейшие слои относятся к I тысячелетию н. э. и что органические остатки в Пскове имеют достаточно хорошую сохранность.

Работы, начатые под руководством Г. П. Гроздилова, были первыми крупными археологическими исследованиями древнего Пскова. В Сборнике опубликованы результаты только первых трех полевых сезонов (1954—1956 гг.), но работы в Пскове продолжались и позже, вплоть до 1962 г. Внезапная кончина Г. П. Гроздилова застала его буквально на боевом посту, в разгар полевых работ.

В первые годы раскопок во Пскове Г. П. Гроздилов сосредоточил свое внимание на изучении тех участков города, которые до него не подвергались археологическим исследованиям — Среднего города и Окольного города. Кроме того, многочисленные котлованы для зданий возрождающегося после Великой Отечественной войны Пскова дали Г. П. Гроздилову возможность вести наблюдения над стратиграфией всех районов города, включая Запсковье и Завеличье. При этом выяснилось, что наиболее мощные отложения покрывают территорию мыса между рр. Великой и Псковой. В отличие от Кремля и Довмонтова города, где верхние слои были снесены при Петре I для возведения бастионов, на территории Среднего города и Окольного города культурные напластования оказались нетронутыми и достигают огромной мощности, доходящей до 7 м.

Снимая последовательно пласт за пластом, исследователь как бы перелистывает страницы истории древнего Пскова. Многочисленные чертежи, опубликованные в статье, фиксируют каждый период в жизни города, отмечая особенности каждого строительного горизонта с XV по X в. Автор показывает не просто отдельные избы — жилища псковичей. Умело используя письменные источники и древние планы, он проектирует их на обнаруженные раскопками объекты и ведет читателя по раскрытой им и реально существующей главной магистрали города — Великой улице — через Старое Застенье в Довмонтов город и Кремль, приводит то на Пушечный двор, то в лавки мясного ряда на Новом Торге. Он показывает и другие улицы и переулки, вдоль которых за частыми домами расположены усадьбы горожан, состоящие из жилого дома с сенями и крыльцом, хозяйственных построек, колодца и мощеного крытого двора.

Нарисованная Г. П. Гроздиловым картина жизни древнего Пскова на отдельных его участках еще более выиграла бы, если бы он не выделил вещевой материал в особый раздел. К сожалению, Г. П. Гроздилов разрознил комплексы вещей, найденных в постройках и на усадьбах, и сгруппировал находки в тексте — по функциональному признаку (предметы вооружения, инструменты, предметы бытового назначения, украшения и пр.), а на таблицах — по признаку материала. Не помогают расчленению на комплексы или хотя бы на строительные горизонты и легенды под таблицами, в которых дается лишь общая датировка для всех изображенных на таблице вещей (например: рис. 46 «Железные изделия XI—XV вв.» или рис. 60 «Формы глиняной посуды XI—XIV вв.») без разделения их по соответствующим горизонтам и векам. Не очень удачно и распределение материала между таблицами. Они сгруппированы по материалу и годам раскопок, что приводит к хронологической и типологической чересполосице например, «Железные изделия XI—XIII вв. (раскоп 1954 г.)», «Железные изделия XI—XV вв. (раскоп 1955 г.)», «Железные изделия XI—XIV вв. (раскоп 1956 г.)» и т. д.

Исследования первых трех лет не дали материалов древнее рубежа X и XI вв., но нельзя забывать, что работы в эти годы велись на участках, вошедших в черту города позднее, в связи с его ростом. Поэтому на вопрос о времени древнейшего поселения на месте будущего Пскова работы 1954—1956 гг. ответа не дали и мы не вправе требовать от автора развернутого его освещения. Тем не менее, в вводной части статьи Г. П. Гроздилов этот вопрос ставит и отвечает на него, на наш взгляд, излишне глухо. Г. П. Гроздилов указывает, что, судя по первому упоминанию Пскова в летописи под 903 г., «город возник» ранее этой даты и что раскопки Н. Н. Черягина в Кремле установили «наличие здесь славянского поселения, на основе которого в VIII—IX вв. возник Псков» (стр. 9). Древнейшие слои, выявленные Н. Н. Черягиным и С. А. Таракановой в Крем-

ле и частично на территории Довмонтова города, принадлежали, однако, не славянам, а дьяковцам. Взаимоотношения между дьяковскими и славянскими слоями исследователи не выяснили в основном из-за смешения финских памятников со славянскими. Не внесено в этот вопрос ясности и в статье Г. П. Гроздилова.

Сделанные замечания ни в коей мере не снижают огромной ценности материалов, опубликованных Г. П. Гроздиловым. Благодаря тщательно проведенным полевым работам, полноте документации вскрытых объектов и их продуманной интерпретации историческая наука впервые получила такой материал по истории Пскова, о котором молчат многочисленные источники.

На псковском же материале (1954—1959 гг.) построена и статья Е. И. Оятевой «Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова» (стр. 77—94, рис. 1—10). Данный вид источников сравнительно недавно появился в археологической литературе, но войдя в нее, он заявил о себе в полный голос. Он раскрыл такие стороны повседневной жизни рядового горожанина, о которых у нас были весьма смутные представления. Обувь и шапки, рукавицы и пояса, кошельки и футляры для шильев и гребешков, уздечки, плетки, мячи, ножи для ножей и более крупных клинков — это не только бытовые предметы «черного люда», но зачастую и произведения народного искусства. Многоцветные сложные узоры вышивок на туфлях, тисненый орнамент кошельков и ножен, вышитые пояса, нарядные швы, которые не только скрепляют, но и украшают изделия, знакомят нас с новой областью народного творчества.

Но для того, чтобы все это увидеть, нужны были острый глаз исследователя и огромное терпение потому, что от изделий остались лишь комки мятой кожи, а от шитых узоров — одни дырочки с обрывками побуревших нитей. Работа, сделанная Е. И. Оятевой, вознаградила автора, а вместе с ней и нас, сторицей. Е. И. Оятевой удалось не только восстановить различные формы обуви, но проследить и эволюцию технических приемов ее изготовления с XI по XVII в. Это дало возможность автору сделать интересное наблюдение относительно постепенного превращения сапожного дела в самостоятельную отрасль городского ремесла, «что находит отражение в массовости продукции, в постепенной стандартизации форм и в единстве приемов кроя и пошива обуви» (стр. 94). Наличие огромного количества отходов от раскроя кожаных изделий в ряде мест Старого Застенья позволяет автору определить район, в пределах которого были сосредоточены сапожные мастерские XI—XIV вв. Автор высказывает также весьма правдоподобное предположение, что в XI—XIV вв. «все мелкие кожаные изделия изготовлялись сапожниками» (стр. 94), поскольку приемы изготовления и украшения мелких изделий ничем не отличаются от аналогичных операций, связанных с пошивом обуви. На протяжении всей статьи автор сопоставляет псковские находки с кожаными изделиями Новгорода, Москвы и других городов. При этом выясняется, что сапожное ремесло в различных городах развивалось примерно одинаково.

Статья написана хорошим лаконичным, емким и профессиональным языком. Она вводит в оборот новый интересный источник по истории городского ремесла и быта рядового горожанина. Материал этот по праву займет свое место рядом с материалами Новгорода и Москвы.

Статья О. И. Давидан «Гребни Старой Ладого» (стр. 95—108, рис. 1—5, табл. 1—7) посвящена интереснейшей группе памятников — роговым орнаментированным гребням. Ни одно поселение Восточной Европы, в том числе и Новгород, не дает такой богатой серии гребней, как Ладога. Коллекция ладожских гребней составила в результате археологических исследований, поэтому гребни хорошо увязаны со стратиграфией поселения. Это дает возможность провести типологическую и хронологическую классификацию гребней с большой точностью. Значение же подобной классификации выходит за рамки собственно ладожской проблематики, поскольку гребни, аналогичные ладожским, известны на огромной территории и у многих народов Восточной, Северной и Западной Европы и даже за Уралом.

В статье О. И. Давидан впервые дана сводка находок гребней за все 11 лет раскопок в Ладоге. Впервые дается и их типологическая классификация, а также распределение находок по горизонтам. Полученная схема последовательной смены одних типов гребней другими спроектирована на временные определения горизонтов, данные в работах В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова.

Благодаря этому автор имеет возможность установить не только относительную, но и абсолютную датировку различных видов гребней, превращая их тем самым в хороший датирующий материал.

Тщательно выбранные из огромного ладожского материала целые и фрагментированные гребни разделены автором на два основных типа: гребни односторонние и гребни двусторонние. Внутри каждого типа гребни делятся по способу их изготовления на гребни, составленные из нескольких деталей, и гребни, вырезанные из одного куска рога. Такая классификация проста и внутренне оправдана, поскольку, во-первых, все без исключения гребни укладываются в нее без каких-либо натяжек, а, во-вторых, переход от одного типа гребней к другому совпадает с общим изменением характера культурного слоя поселения: односторонние гребни связаны с древнейшими слоями (по датировке автора — VII—XI вв.), а двусторонние — с более поздними (XI—XV вв.). Если подобное хронологическое членение основных типов гребней вырисовывалось прежде по отдельным находкам и обосновывалось новгородскими материалами, то в Ладоге оно нашло дальнейшее и очень убедительное подтверждение. Однако основной интерес клас-

сификации ладожских гребней, данной О. И. Давидан, заключается в определении не этих двух больших групп гребней. Значительно интересней оказались ее наблюдения относительно временных и типологических различий внутри группы составных односторонних гребней. Автор делит их на два варианта соответственно их размерам и характеру ornamentации. К первому варианту относятся большие гребни, орнаментированные в основном кружками и плетенкой. Ко второму варианту относятся гребни меньших размеров с линейной ornamentацией, покрывающей всю поверхность накладок. Гребни второго варианта известны только в горизонте Д (IX—X вв.). Ни в более ранних, ни в более поздних горизонтах их нет. Гребни же первого варианта встречаются не только в горизонте Д, но опускаются и ниже (горизонт Е, по датировке автора VII—IX вв.) Этим ранним гребней в Восточной Европе мало. Не считая некоторых зарубежных аналогий, автор указывает лишь несколько пунктов в северной части Восточной Европы, в которых найдены гребни первого варианта (Гнездово, Новгород, Псков, Камно, Сарское городище). В частности в Новгороде автор указывает на находку лишь одного гребня первого варианта. Ни одного гребня первого варианта не найдено в Среднем Поднепровье, в то время как гребней второго варианта в южных районах Восточной Европы известно большое количество. Ладога оказывается поселением с исключительно обильными находками гребней наиболее ранних типов, хорошо увязанных со стратиграфией поселения.

Думается все же, что классификация О. И. Давидан дала бы больше материала для наблюдений и выводов, если бы гребни первого варианта она разделила бы еще на два самостоятельных варианта. Собственно говоря в тексте она это и делает, отделяя гребни горизонта Е от гребней горизонта Д. Она отмечает ряд особенностей ornamentации гребней первого варианта, найденных в горизонте Д, по сравнению с гребнями того же первого варианта, но найденными в горизонте Е: большую тщательность в выполнении орнамента, размещение орнаментальных элементов преимущественно лишь в средней части накладок, появление в орнаменте плетенки и пр. Имеются различия и в форме накладок. Собственно говоря гребни первого варианта объединяет только одна черта — их большие размеры. В горизонте Д эти большие гребни встречаются одновременно с более мелкими гребнями второго варианта, из чего следует, как это и указывает автор, что те и другие синхронны. В этом разделе типологическая классификация О. И. Давидан вступает в конфликт с классификацией хронологической, поскольку часть гребней первого варианта заходит в хронологическую зону второго варианта. Правда, автор указывает, что большие гребни первого варианта встречаются преимущественно в нижних, ранних слоях горизонта Д, однако они есть и в верхних его слоях и даже в тех же жилищах, в которых найдены небольшие гребни второго варианта. Если бы большие гребни первого варианта были все одинаковы, то их, конечно, надо было бы объединить в одну группу. Но в том-то и дело, что они различны, что гребни первого варианта горизонта Е отличаются от гребней второго варианта горизонта Д, а потому их и следовало бы разделить на две разные группы соответственно горизонтам. Ведь содержание культурного слоя горизонта Д, как это не раз отмечалось в литературе, существенно отличается от культурных остатков более древнего горизонта Е. То же самое, как это явствует из наблюдений О. И. Давидан, происходит и с роговыми гребнями — их форма и в особенности ornamentация с переходом в горизонт Д меняется. Резко увеличивается в горизонте Д и количество гребней первого варианта по сравнению с горизонтом Е (42 и 11 экз.). Если оставить все большие гребни в одной группе, то придется каждый раз оговаривать, а какие именно гребни первого варианта имеются в виду — типа горизонта Е, то есть более ранние, или типа горизонта Д, то есть более поздние. Иначе и тип и время изготовления гребня не будут до конца ясными. Так, в частности, если не обращаться к самим гребням, а пользоваться только указанием О. И. Давидан на находку в Гнездове, Новгороде, Пскове, Камно и на Сарском городище гребней варианта I, то мы не установим, найдены ли там гребни только поздние (X в.) или же там есть и ранние гребни (VII—IX вв.). Вопрос же этот имеет весьма существенное значение при решении целого ряда историко-культурных и чисто исторических проблем, поскольку гребни древнейших слоев Ладоги (горизонта Е) находят себе аналогии на континенте Западной Европы, гребни же более поздние (горизонта Д) аналогичны гребням Скандинавского полуострова.

Все сказанное здесь о желательности уточнения классификационной схемы не затрагивает существа работы, проделанной О. И. Давидан. Выявление ею двух различных типологических групп внутри первого варианта и самостоятельной группы — второго варианта — представляет большой интерес. Еще большее значение имеет проделанная О. И. Давидан работа по выявлению остатков костерезного производства на поселении. Собранный ею материал свидетельствует о существовании на поселении не только широко развитого костерезного дела вообще, но и об изготовлении в Ладоге гребней, в частности, и составных односторонних. Основная масса заготовок деталей для составных гребней падает на горизонт Д, однако, по наблюдениям автора, несколько заготовок найдено и в горизонте Е₂. Изготовление гребней на месте, примерно, уже в VIII в. и при этом таких, которые как две капли воды похожи на те, что находят на поселениях и в погребальных комплексах Западной и Северной Европы того же времени, представляет в настоящее время вопрос, еще требующий объяснения.

Не совсем удовлетворяет предложенная автором интерпретация односторонних гребней с фигурной спинкой. Автор высказывает предположение, что «фигурные гребни

с высокой спинкой служили, вероятно, для украшения прически». Вряд ли это справедливо, потому что, во-первых, у гребней с фигурной спинкой вверху имеется дырочка для подвешивания, а, во-вторых — трудно себе представить женщину того времени с непокрытой головой, украсившей свою прическу высоким гребнем. По-видимому, особая форма данной серии гребней связана с особой этнической группой, входившей в состав населения Ладоги. Аналогичные гребни известны на территориях, принадлежавших финно-угорским племенам. Кроме указанных О. И. Давидан Владимирских курганов, Пскова и городища Камно, они известны на Оке, в Прикамье и даже за Уралом. Кстати, городище Камно, вопреки утверждению С. А. Таракановой, является поселением не славянским, а по нашему мнению, бесспорно, финским.

В целом статья О. И. Давидан представляет собой большую ценность потому, что один из видов источников, занимающих в огромном археологическом материале Ладоги далеко не последнее место, предстал в ней хорошо документированным, основательно продуманным и правильно истолкованным. Благодаря работе, проделанной О. И. Давидан, введена в научный оборот большая группа памятников, а также создана типологическая и хронологическая шкала, которая поможет определению аналогичных изделий на других археологических объектах. О желании уточнить абсолютные датировки некоторых групп гребней в данной рецензии можно только упомянуть. Датировки эти даны О. И. Давидан в соответствии с временными определениями горизонтов Ладоги, выдвинутыми в работах В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова и дальнейшее уточнение их возможно только после проработки всего археологического материала, полученного в Ладоге за все 11 лет полевых работ.

Несомненный интерес представляет статья Ю. И. Штакельберга «Глиняные диски из Старой Ладоги» (стр. 109—115, рис. 1—5). Она посвящена весьма любопытной группе археологических памятников. Почти совершенно неизвестные на нашей территории, они относительно широко распространены в синхронных (и более ранних) памятниках северо-западной и северной Европы, в Исландии и в Северной Норвегии они доживают почти до наших дней.

Безусловной заслугой автора является то, что им дана полная характеристика всех ладожских находок данной группы, детальное их описание и технологический анализ, в том числе петрографический. Очень важны наблюдения автора над условиями залегания рассматриваемых объектов на городище: они встречаются не только поодиночке, но и в больших скоплениях и связаны со строительными комплексами. Нет сомнения, что Ю. И. Штакельберг совершенно прав и в своем истолковании староладожских «дисков» как грузил от вертикального ткацкого станка, хотя вряд ли удачно их наименование, — лучше было бы назвать их дисковидными подвесками (см. В. Ф. Гайдукевич, МИА, 25, 1952, стр. 395—414). Приводимые автором аналогии, а также многие другие, им не привлеченные, полностью подтверждают предложенное Ю. И. Штакельбергом определение их функционального назначения. Обращает внимание их слабый обжиг, что исключает использование этих предметов, как грузил от рыболовных сетей, мнение, которое разделяли и частично разделяют многие советские археологи и по сей час. То, что «диски» не могли быть светильником (точка зрения, например, шведского археолога Дрейера), подтверждает проведенное в Гос. Эрмитаже их испытание на содержание жиров, давшее отрицательный результат. Косвенным подтверждением является и самая их дата. Они полностью отсутствуют среди находок из древнерусских городов. Кроме Старой Ладоги (слой XI—X вв.), где находки их очень обильны (152 экз.), на нашей территории такие диски известны только в Белоозере (6 экз. в слое X в.) и на Шестовицком городище (а не в кургане, как указывает Ю. И. Штакельберг), в жилище № 1. Незвестны они после X в. и на европейском континенте. Отсутствуют они, как отмечает автор статьи, и в более поздних слоях самого Староладожского городища. Это, как полагает Ю. И. Штакельберг, может объясняться (об этом можно было бы сказать с большей решительностью) заменой вертикального ткацкого станка — горизонтальным. Думается также, что наличие рассматриваемых дисковидных подвесок — грузил именно в Старой Ладоге, на Белоозере и в Шестовицах не случайно: весьма вероятно, что это явление следует рассматривать в свете северных связей, прежде всего с норманским миром.

Высоко оценивая статью Ю. И. Штакельберга и ее историко-культурное значение, не можем не сделать и некоторых замечаний и указать на имеющиеся в ней фактические погрешности.

Привлеченные автором аналогии с о. Борнхольма и Готланда относятся к значительно более раннему времени, в основном к V-му, частично, на Готланде, и к первой половине VI в. Помещая в качестве иллюстрации (рис. 5) находку грузил от ткацкого станка *in situ* на о. Борнхольм (на поселении Sorte Muld, жилище II, М. Т.), следовало тут же указать его датировку (IV—V вв.). Отсутствие датировки может ввести читателя, недостаточно хорошо знакомого с материалом, в заблуждение и быть воспринято, как синхронное со староладожским. Следовало бы также подчеркнуть, что борнхольмские и готландские дисковидные грузила, как и синхронные им на континенте, несколько иные — меньшего диаметра (в среднем 7—9 см) и большей толщины (в среднем — 3,5 см, на Готланде есть и достигающие 5,2 и даже 5,8 см толщины). В то же время собственно дисковидные грузила, т. е. более плоские, как раз поздние — VIII—IX и IX—X вв.; ср., например, грузила в Тофтинге, в Шлезвиг-Гольштинии, в Херне, Хадерне в Вестфалии. Приходится поэтому выразить сожаление, что Ю. И. Штакельберг не привел опу-

бликованного Брандом изображения дисковидного грузила IX—X вв. из Херне (Вест-Фалия), по форме и орнаментации (кружки, исполненные штампом), представляющего ближайшую аналогию старолadoжским.

В перечне территорий вокруг Балтийского моря, где встречаются дисковидные грузила, подобные найденным в Старой Ладогe, и им синхронные, неправомерно названа Польша, кстати без ссылки на литературу. В Польше находки грузил от вертикальных ткацких станков не известны после V в. (и даже конца IV в.), что связано, как полагают польские археологи, с исчезновением вертикального ткацкого станка и заменой его горизонтальным. Правда, последний известен здесь лишь в Ополе (X—XII вв.), но V—IX вв. в Польше изучены настолько недостаточно, особенно поселения этого времени, что отсутствие находок этого рода вполне естественно.

Неточно указание, что дисковидные грузила встречаются в Западной Европе вместе с пирамидальными с V—VI вв. Такое сочетание известно здесь гораздо раньше, начиная с эпохи неолита и особенно распространено в позднеримское время. Встречаем мы его, правда, иногда и в нашей лесостепной полосе в III—IV вв., а в античном мире начиная с VI—V вв. до н. э., при этом в Северном Причерноморье вплоть до III—IV вв. при преобладании, однако, пирамидальных грузил.

Ссылаясь на реконструкцию вертикального ткацкого станка (в экспозиции Моравского музея в Брно), Ю. И. Штакельберг почему-то умолчал о том, что эта реконструкция сделана на основании данных, полученных при раскопках памятника очень раннего (унетицкой культуры) в Градчанах у Простейова. Лучше было бы сослаться на реконструкции более поздних станков или просто на широко известный вертикальный ткацкий станок Бергенского музея, использовавшийся еще в середине XIX в.

Несмотря на указанные недочеты, статья Ю. И. Штакельберга представляет, без сомнения, большую ценность и безусловно привлечет самое пристальное внимание как советских, так и зарубежных археологов.

Статья П. И. Хавлюка «Славянские поселения VIII — начала IX века на Южном Буге» (стр. 116—126, рис. 1—11) представляет собой часть его кандидатской диссертации «Антские поселения средней части южного Побужья». В этой статье автор публикует и анализирует материал двух славянских поселений: Коржовки, где раскопано 7 полуземлянок и 1 хозяйственная яма, и Семенок II, где раскопана одна полуземлянка. Поселения, как это явствует из публикации и как отмечает сам автор, по характеру своей материальной культуры и хронологически занимают место между раннеславянскими памятниками VI—VII вв., открытыми в последнее время в ряде мест Правобережной Украины и памятниками, относящимися уже к эпохе Киевского государства. Сколько-нибудь полно исследованные и опубликованные памятники этой поры крайне немногочисленны и уже поэтому данная работа представляет значительный интерес. Особая же важность этих памятников обуславливается тем, что они вместе с исследованными П. И. Хавлюком в тех же местах поселениями более ранней поры позволяют на небольшой территории проследить развитие славянской культуры от времени антов до эпохи сложения Киевского государства.

Сравнительно небольшой материал, добытый автором статьи при раскопках названных поселений, не позволил ему сделать какие-либо значительные новые заключения о связях, занятиях и общественном строе славян этой поры, однако ряд выводов, сделанных автором, представляет несомненный интерес.

Так, например, П. И. Хавлюк, на основании добытого и изученного им материала, счел возможным определить раскопанные им поселения как территориальные общины, состоящие из мелких земледельцев-общинников, распространив, таким образом, характеристику, данную И. И. Ляпушкиным левобережному Новотроицкому городищу на памятники Правобережной Украины.

Представляется важным тот факт, что автор, сравнив материал своих поселений с материалом синхронных славянских памятников как на нашей территории, так и за рубежом, пришел к выводу о большом сходстве всех славянских памятников лесостепи VIII—IX вв., присоединившись к точке зрения И. И. Ляпушкина на этот вопрос.

Кажется весьма интересным очень осторожно поставленный П. И. Хавлюком вопрос об усиливающемся в VIII в. влиянии северного славянского элемента на территории Побужья.

Незначительность размеров раскопанных автором статьи на Коржовке и Семенках II, а также на более ранних поселениях Побужья полуземлянок (12—16 м²) и хозяйственных сооружений подтверждает правильность высказанного И. И. Ляпушкиным положения, что «полуземлянки восточных славян VIII—X вв... являлись жилищами не больших (патриархальных), а малых (индивидуальных) семей, объединенных в сельскую общину». В данном случае особенно важно, что раскопанные поселения находятся именно на территории антов, т. е. в тех местах, к которым может быть отнесено известное высказывание Псевдо-Маврикия о жилищах (или местах обитания) славян и антов.

К сожалению, нельзя воздержаться от некоторых замечаний в адрес автора. Как нам представляется, предложенная П. И. Хавлюком датировка Коржовки и Семенок II VIII — началом IX века недостаточно обоснованна. Поскольку основным датирующим материалом, добытым при раскопках этих памятников, является керамика, необходимо при определении времени их существования опираться на датированные комплексы, где встречена сходная керамика. Таким комплексом в первую очередь является Новотроицкое городище, а затем городище Курган, поселение VIII—IX вв. на территории Киева,

Опошнянское городище, Григоровское поселение. Материалы этих и других памятников убедительно говорят о том, что в IX в. на территории лесостепи еще господствовала лепная керамика, а немногочисленная гончарная была представлена, в основном, очень несовершенными по технике изготовления образцами. Среди сосудов и их обломков, найденных при раскопках Коржовки и Семенов II, гончарная керамика составляет значительный процент, а в некоторых жилищах (полуземлянка № 5 на Коржовке) даже преобладает количественно над лепной.

Некоторые обломки гончарных сосудов из поселения Коржовка по своему характеру (покрытие всего тулова сосуда мелким горизонтальным рифлением или многорядной волной, клейма на донцах сосудов) напоминают уже некоторые сосуды из русских курганов X в. Правда, поселения Побужья расположены ближе, чем приведенные в качестве аналогий памятники, к территории Подунавья, где гончарный круг у славян появился, по-видимому, несколько раньше, чем в Поднепровье. Однако представляется маловероятным, чтобы в среднем течении Ю. Буга, менее чем в 200 км с юго-запада от Киева, развитие шло много быстрее, чем на Среднем Днепре. Поэтому нам кажется, что более широкая датировка раскопанных П. И. Хавлюком поселений в пределах VIII — первой половины X вв. была бы более обоснованной при данном уровне наших знаний.

Следует отметить нечеткость некоторых формулировок автором. Так, на стр. 123 мы читаем: «На ранних поселениях орудия труда чаще всего находились в хозяйственных постройках. В Коржовке эти орудия.. найдены в жилищах. Из этого следует сделать вывод, что жилые постройки принадлежали отдельным семьям, а орудия... представляли собой их собственность, связанную с ведением личного хозяйства».

То, что жилища принадлежали отдельным небольшим семьям, вытекает, прежде всего, из их размеров, а не из факта находки в них орудий. Кроме того, в силу недостаточности данных, полученных при раскопках, нельзя определенно сказать, все ли орудия были связаны только с ведением личного хозяйства, или же некоторые из них (например долото) были связаны с деятельностью, направленной на обслуживание потребностей всех жителей поселка.

На стр. 124 автор утверждает, что поскольку добыча руды, плавка железа и изготовление орудий могли выполняться лишь отдельными жителями поселения (кузнецами), то все это, наряду с наличием гончарной керамики «говорит о том, что на данном этапе развития хозяйства славян, основанного на земледелии и скотоводстве, натуральность его ограничивается». Во-первых, выделение кузнечного производства относится не к данному этапу развития хозяйства славян, а ко времени значительно более раннему. Во-вторых, наличие среди жителей поселка кузнецов, обслуживающих потребности всех жителей, отнюдь не нарушало натуральности хозяйства всего поселка, как хозяйственного целого.

Кажется странным, что автор, говоря о сходстве Коржовки и Семенов II с более ранними памятниками VI—VII вв., отмечает лишь сходство грубой лепной посуды, не указывая почему-то на идентичность приемов домостроительства (полуземлянки с печами-каменками и срубными стенами) и топографии поселений (низкие надпойменные террасы).

В целом, несмотря на некоторые неточности, допущенные автором, его статья сама по себе представляет несомненный интерес, а вместе с другими опубликованными им работами является большим вкладом в славянскую археологию.

Небольшая статья Т. И. Макаровой «Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X—XI вв.» (стр. 127—134, рис. 1—4) интересна тем, что она дает хорошую сводку находок из этого редкого камня, происходящих с огромной территории от Томска до Днепра, а также указывает район добычи лазурита (близ Джармы в Средней Азии). Автор отмечает идентичность изделий из лазурита Сибири и Восточной Европы и делит их на четыре группы: подвески (ромбические и треугольные), напускные бусы на височных кольцах, вставки в браслеты и бусы для ожерелий. В форме подвесок автор видит схематически переданные антропоморфные черты и на этом основании считает их амулетами или божками, покровителями племени, рода, семьи или отдельного лица, то есть онгонами, культ которых был широко распространен у кочевников Сибири. В Восточную Европу из Средней Азии лазурит был занесен, по мнению автора, берендеями, появившимися в Поросье в первой половине XI в. Сопоставляя свои наблюдения, автор приходит к выводу, что сходство верований говорит о родстве тех племен Сибири и Восточной Европы, у которых встречаются изделия из лазурита. К этому же выводу приводит ее и полное совпадение типов и форм украшений, найденных в таких отдаленных друг от друга районах, как бассейны Томи, Дона и Днепра.

Думается, что автор излишне усложняет вопрос об изделиях из лазурита. Не касаясь здесь темы, связанной с возможностью видеть в подвесках антропоморфные изображения и считать их амулетами, укажем лишь, что вряд ли можно согласиться с автором, считающим, что из каменоломен Средней Азии лазурит вывозился в виде сырого материала и только в среде некоторых родственных кочевых племен Сибири и Восточной Европы он превращался в украшения. Думается, что не этнической близостью племен (кстати с весьма различным обрядом погребения), а единством места изготовления объясняется предельная стандартизация украшений, разбросанных по огромной территории. Скорее всего выделка украшений происходила там же, где шла добыча ла-

зурита, подобно тому как шиферные пряслица изготовляли там, где находились разработки шифера, то есть в районе Овруча. Розовые шиферные пряслица разнесли по древней Руси коробейники, а лазуритовые украшения по территориям кочевий разнесли кочевники. Точно также в первые века н. э. сарматы распространили во всей южной половине Восточной Европы изделия александрийских мастерских из египетской пасты, поступавшие к ним через рынки Боспора. И хотя среди изделий из египетской пасты, также достаточно стандартных, некоторые несомненно представляют собой амулеты (скарабеи, кулачки и др.), они находили спрос у племен и народов совершенно не родственных друг другу.

Статья Т. И. Макаровой, несмотря на спорность выводов, представляет несомненный интерес, поскольку она расширяет наши представления о культурных связях кочевников южнорусских степей и лесостепной зоны.

В заключение необходимо указать, что как данный сборник, посвященный почти целиком славянской тематике, так и вся издаваемая Гос. Эрмитажем серия тематических археологических сборников, представляет большую научную ценность и интерес. Нужно надеяться, что это важное начинание Гос. Эрмитажа будет иметь плодотворное продолжение, займет подобающее место в археологической литературе и привлечет внимание не только археологов и историков, но и более широкого круга читателей.

*Г. Ф. Корзухина, Д. А. Мачинский,
О. В. Овсянников, М. А. Тиханова*